

Живет в Алматы (Казахстан). О себе: "Мне 54 года, 33 из них живу стихами по-настоящему. Как говорил Иосиф Бродский, в поэте интересно его творчество, поэтому не буду обременять читателей фактами из обыденной жизни. В моих стихах есть фотографически точные отражения реальности, надеюсь, всё, что касается биографии, очищено током выстраданности. Люблю родную Алма-Ату, верю в одухотворённое будущее Казахстана, России, мира людей в целом! Благодаря языку, носителем которого являюсь, осознаю себя русским поэтом от классических, кругосветных и вневременных корней, в их развитии."

* * *

На серой стене огромного дома
цветная мозаика бдений
оконных,
всенощно-рассветных, —
взора
поэта
отрада,
сквозь кроны
лучей мириады,
мрак раздвигая,
короной
бессонной
венчают
простора
стихотворений
зрачки
и крылья строки,

касаясь громады
Тянь-Шаня, Пэнлая,
Тайгета,
Синая,
окна соседей
не выпуская
из вида,
знают,
дорогой какой
в мой
дом
возвращаться
им надо –
горят маячки
края,
с которым
не собираюсь прощаться,
раем
его
не зову,
но живу
в нём,
прощая
обиды,
и с адом
не обнимаюсь –
лечу в окоём
вдохновений,
чьё торжество –
уюта домашнего связанность с ладом
величия
высей
небесных
в чувствах
и мыслях,
мне большего счастья – не надо,
древесных
и птичьих
наитий
сачки –
окна, в которых не пусто,
если хотите
постичь златоуста
искусство,
с балкона
на радость

присутствий
тьму раздвигающих окон
внимательно поглядите
и вы ощутите:
всё тяжкое — кокон,
душа ваша — бабочка Божьих
напутствий,
с сакральной дрожью
над миром
духовных открытий
взлетите,
свет окон соседских
с любовью благословите —
прекрасное средство
от бедствий
надмирно-квартирных,
поймите...

* * *

«Ты помнишь
нас,
так Расскажи о нашем свете негасимом,
мир проходящий
мимо —
преходящий,
а в небе — вечно
настоящем —
неизменно
пребывает вече
нашей речи
человечьей,
ладони
наши человечно
простираются над миром,
что Бог спас
слиянием
сиянья
наших глаз,
любовью в них —
для вечности
хранимых...»

Мне трудно говорить — я памятью о вас живу,
я с вами воздухом одним дышу доныне,

я именами вашими зову
свои святыни,
я вашей совестью все отношения рву
с враждебным вам порядком жизни бренной,
я силуэты ваши вижу среди веток,
под которыми вы по делам своим спешили;
в тенях вечерних и рассветных,
в облаках, меняющих свободно-плавно очертания свои,
ловлю я образы родные ваши,
я с вами говорю,
и в словаре моём нет слова «жили»,
я вас люблю,
вы человека пробудили
во мне
и человеком сохранили,
я с вами
в вашей неподвластной тлению
стране,
о, как бы тут забывшие о вас не мельтешили...

* * *

Поймай
звезду
восточной
части
небосклона
ближайшей
законной
кроной –
бокалом
ловят
так кусочек
льда –
и, представляя прошлую беду,
скажи: «Беда,
лучами разноцветными играй
в хрусталиках тоски
бессрочной,
счастьем
несчастья пережитого виски
сжимай
и передай
поклон нижайший
верному закону

жизни шалой –
вдруг вспыхивать алмазно в прошлом пролитой слезой,
звездой возрождающейся в слове,
напитанном Евангельской лозой,
чьё око
смотрит на меня с востока
бедой-звездой
через собор крестообразных веток
в канун страстной,
через Синай
молитвы Гефсиманской – во мне бессонной,
превращающей в ковчег любви, судьбе когда-то подрасстрельной – кровной,
кругосветной,
вневременной –
клетушку скромного балкона
с Эдемской кроной и Рождественской звездой
в проёме отворённой рамы с деревянными крестами, нацеленными при закрытости
на юг и север, при открытости
на запад и восток –
сквозь мой,
ещё живой
висок,
пульсирующий в миги вдохновений
светлых
ответвлением
Кедрона,
упраздняющим при жизни
холод Леты –
в равнодушной, как и встарь, к поэтам,
в замороченной
телесными проблемами отчизне...»

[Страница автора в Сети](#)